

О ТЕПЛОТѢ ВЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

Каковъ бы ни былъ человѣкъ, мы не можемъ не имѣть къ нему нѣкошораго уваженія; еспьли онъ въ своемъ родѣ еспь все, чѣмъ бытъ хочешъ. Даже злодѣй, кошорый въ поступкахъ своихъ оказывалъ великую силу духа, имѣетъ больше цѣны въ глазахъ нашихъ, нежели пошъ пресшупникъ, кошорый, не имѣя сполько мужесшва, чшо бы поступашъ честшно, былъ малодушенъ на своемъ поприщѣ. Мы сожалѣемъ о первомъ, думая, чшо онъ былъ доведенъ до зла воспитаніемъ и обспояшельсшвами; ибо мы увѣрены, чшо онъ имѣлъ бы довольно силы сдѣлаться благороднѣйшимъ человѣкомъ: но мы презираемъ вшораго, кошорый споль же мало имѣлъ силы къ добру, какъ и къ злу.

Чшо особенно нравишся намъ въ великихъ и славныхъ мужахъ? Неизмѣнная сила, съ кошорою они все предпринимающъ; великосш и швердосш воли, съ кошорою они сквозъ всѣ препяшспвія и опасносши

спѣшатъ къ своей цѣли. Ихъ рѣдкое поспѣваніе, ихъ удивительная непоколебимость въ счастіи и несчастіи, вѣрность, съ каковою они преданы намѣреніямъ своимъ, приводятъ насъ въ восхищеніе. Даже ихъ странности, ихъ небольшія слабости нравятся намъ, потому что онѣ предсказываются вмѣстѣ съ прочимъ образомъ ихъ мыслей, и вмѣстѣ съ ихъ силою. Мы любимъ сихъ людей, мы имъ удивляемся; ибо знаемъ, кто они, каковы они, къ чему они стремятся.

Напрошивъ того мы имѣемъ природное отвращеніе отъ всего слабаго и обыкновеннаго въ характерѣ людей, о которыхъ не знаемъ даже, что подумаешь. Намъ непріятны тѣ, которые ничего не показываютъ рѣшительнаго и ничего твердо не держатся; о которыхъ не лѣзя сказать, хороши ли они, или худы. Кто можетъ имѣть дружбу и довѣренность къ такому человѣку, который никогда не отвѣчаетъ искреннею довѣренностію, отличною любовью? Кто можетъ дать сердце свое такому человѣку, который никогда не обнару-

живаешь сердечнаго расположенія? *Теплый* другъ не есть другъ.

Такъ обыкновенно бываетъ въ жизни. Такъ же почто бываетъ и въ Христіанствѣ. *Теплый* Христіанинъ не есть Христіанинъ. — *Знаю твои дѣла*, — говоришь Господь въ Писаніи, — *ты ни холоденъ, ни горятъ. О естлибѣ ты былъ холоденъ, или горятъ!* Апок. 3, 15.

Обращая наблюдательный взоръ на друзей и знакомыхъ нашихъ, мы не можемъ не признаваться, что весьма мало находимъ *ревностныхъ* Христіанъ, кошорые бы всею душею и всѣми силами не только почипали Іисуса, но и подражали Ему. Обращая взоръ на самихъ себя, мы не можемъ не признаваться, что мы весьма *теплы* въ Религіи, *теплы* въ молишвѣ, при Богослуженіи, *теплы* въ хорошихъ намѣреніяхъ, въ должностяхъ, въ безкорыстныхъ и другихъ добродѣтельныхъ поступкахъ! — *Знаю твои дѣла. О естлибѣ ты былъ холоденъ, или горятъ!*

Сія *теплота* людей въ Религiи, сей порокъ, содѣлывающійся нынѣ сполько всеобщимъ, и служащій спрашнымъ приуготовленіемъ ослабленія всѣхъ силъ испинной вѣры, не соспоишь собспвенно въ *хладнокровiи* къ Божеспвенному слову и къ ученію Іисуса. Нѣтъ, еспъ тысячи Хрисціанъ, къ копорымъ не лзя опнести укоризну хладнокровiя въ дѣлахъ вѣры; копорые поспавили бы въ обиду себѣ, еспъли бы ихъ считали хладнокровными къ Богу и вѣчноспи; но копорые однакожъ, разсмашривая дѣла свои, признаюпся, чпо они *теплы* въ добрѣ, ни *холодны*, ни *горячи*.

Теплота въ вѣрѣ не значишь небрежностпи въ соблюденіи наружнаго Богопочишанія. Вы видите, съ какою поспѣшностпію, съ какимъ благоприличіемъ, съ какимъ усердіемъ спекаюпся въ храмъ Божій Хрисціане, когда въ день праздника звукъ колокола возвѣщаешъ часъ шоржеспвенной молишвы! Но еспъли обраиште взоръ на сихъ благоговѣйныхъ молишвенниковъ, на сихъ усердныхъ поспѣшителей храма Божія; еспъли обраиште на нихъ взоръ въ ихъ домахъ, въ

ихъ семействахъ, въ ихъ занятіяхъ и забавахъ; по сколько найдеше *теплоты* въ жизни! Какъ оплеченъ человекъ въ своемъ домѣ, въ кругу семейства, отъ человека, молившагося въ храмъ!

Теплота не означаетъ также лицемѣрства. Ибо многіе изъ лицемѣровъ имѣютъ доброе сердце, но не имѣютъ горячности, ревности къ Христіанству. Они подають милоспыню щедро, и дѣйствительно по любви и соспрананію; они, при опкрывшемся случаѣ, помогають своему ближнему; они щадительно исполняютъ гражданскія должности;—но въ нихъ недоспаетъ живаго спремленія къ исправленію своего сердца. Они дѣлають добро, которое не спребуетъ пожертвованій; но опказаться отъ наслажденія и выгоды для Христіанскаго дѣла было бы для нихъ слишкомъ много. Они дѣлають добро, еспли предспавляется къ тому случай; но искають случаевъ къ совершенію дѣлъ любви, примиренія, соспрананія и благошворенія, для нихъ дѣло излишнее и невозможное.

Что же есть теплота въ Христіанствѣ?—
 Она есть нерадѣніе человѣка о томъ, что
 бы во всѣхъ мысляхъ и поступкахъ рѣши-
 тельно показывать себя другомъ и послѣдо-
 вателемъ Іисуса, Христіаниномъ, ожидаю-
 щимъ вѣчноспіи и великаго усовершенствованія. *Теплота* есть нерадѣніе человѣка
 о томъ, чтобы являясь совершенно па-
 ковымъ, каковымъ онъ бытъ хочеть. Онъ
 находить добро прекраснымъ, но не забо-
 тится употреблять всѣхъ силъ къ испол-
 ненію онаго, или отлагаетъ до другаго
 удобнѣйшаго времени. Онъ назидается уче-
 ніемъ слова Божія, но не укореняетъ его
 въ сердцѣ, и не исполняетъ въ жизни. Онъ
 покланяется Іисусу, какъ Искупишелю, какъ
 Подателю блаженства; онъ называетъ Все-
 вышняго Отцемъ своимъ: но не любитъ
 Іисуса и Бога Отца съ пламенною горяч-
 носпію, и боится насмѣшекъ и презрѣнія
 отъ легкомысленныхъ людей, можетъ бытъ,
 болѣе, нежели взира Божія, нежели Иску-
 пишеля, который говоритъ: *Кто отречется*
отъ Меня предъ людьми; отрекусь отъ
того и Я предъ Отцемъ моимъ, сущимъ
на небесахъ. Матт. 10, 33.

Вопшь *теплота* въ Христіанствѣ. Посему—по такъ много крестившихся въ Іисуса, и такъ мало истинныхъ Христіанъ; посему по такъ много званыхъ, и такъ мало избранныхъ; посему—по такъ много благоговѣнія и поклоненія въ храмахъ Божіихъ, и такъ мало снѣда и вѣрности, мира и доброты въ домахъ; посему—по такъ много благочестивыхъ словъ, богобоязливыхъ рѣчей, и такъ мало благочестивыхъ дѣлъ, богобоязливыхъ мыслей!

Но *откуда* *проистекаетъ сія теплота* въ Христіанствѣ? Важное дѣло, познавъ источникъ сего зла, дабы удобнѣе предохранять себя отъ него. Но кто можетъ изчислить ихъ! Зло льется въ міръ изъ тысячи сокрытыхъ пещеръ; добро спруишся только изъ одного мѣста—изъ Христіански-благороднаго сердца, изъ сердца облагодѣшствованнаго!

Теплота многихъ Христіанъ въ вѣрѣ преимущественно происходитъ изъ образа перваго ихъ воспитанія. Ибо первое воспитаніе даетъ какъ бы неизмѣняемое на-

правление всему печенію нашей жизни.—Но гдѣ на терніи произраспаешъ виноградъ? Какъ могутъ быть крошкіе дѣши у необузданныхъ родителевъ? Какъ юноши могутъ быть ревностны къ Христіанству, когда родители, вмѣсто сердечнаго благоговѣнія, научающъ ихъ только обычаю Богослуженія; когда родители, вмѣсто снисхожденія, любви и благошворительности къ ближнимъ, внушающъ имъ только вѣжливостъ, учтивство и благоприспосовностъ, или даже порицанія, ненавистъ и мщеніе? Таковыя дѣши знаютъ волю Божію и ученіе Иисусово, но не желаютъ дѣлать болѣе, нежели ихъ родители. Примѣръ родителей располагаетъ ихъ къ легкомыслію, къ *теплотѣ* въ дѣлахъ вѣры; и пошому нисало не удивительно, когда дѣши спановляющъ еще худшими Христіанами, нежели ихъ родители.

Другой источникъ *теплоты* въ Христіанствѣ есть *какая-то робостъ, какая-то ложная стыдливость, обнаруживать приверженностъ свою къ вѣрѣ*, или казаться благочестивымъ. Гдѣ исповѣданіемъ своей вѣры надлежало бы пожинашь честъ, тамъ опасаются навлечь на себя посмѣяніе; гдѣ

благочеспивымъ чувспвомъ могли бы при-
обрѣсти уваженіе, тамъ спрашашся бытъ
пренебрегаемы. Не желяють бытъ оплич-
ными опъ большей толпы, и подобно ей
дѣлаються непоспоянными, несправедливыми,
теплыми. Такимъ образомъ привыкаешъ на-
конецъ человѣкъ любить болѣе шакъ назы-
ваемое благоразуміе, нежели добродѣшель;
цѣнишь упонченный образъ жизни болѣе,
нежели Хрисіанское чистое сердце; забо-
пшися о наружныхъ качеспвахъ болѣе, не-
жели о внуспреннемъ достоинспвѣ.—Почему
же благоразуміе не можешъ споять вмѣспѣ
съ чистюю добродѣшelio? Почему благопри-
личный образъ жизни не можешъ бытъ со-
вмѣспенъ съ кропкимъ, богобоязливымъ чув-
спвомъ? Чшобы бытъ ревноснымъ подра-
жашелемъ Іисуса, для сего не сполько нуж-
ны свяшыя слова и выраженія, сколько свя-
шыя дѣла.—Міръ не ниспаль еще до шого,
чшобы чеспные поступки обрацаемы были
въ позоръ, любовь къ человѣчеспву въ про-
клятіе, милосердіе въ ненавись. Къ чему
же оная ложная спыдливость въ дѣлахъ вѣ-
ры? Къ чему опасеніе сказаць: „Я поступаю
шакъ, пошому чшо долгъ мой шребуешъ

сего, попому чшо Богъ сіе повелѣваетъ, попому чшо въ прошивномъ случаѣ я содѣлаюсь недоспойнымъ надѣяться вѣчности. Я молюсь, попому чшо бесѣдованіе съ высочайшимъ Сущесвомъ возвышаетъ духъ мой. Я посѣщаю шоржественное Богослуженіе Христіанъ, попому чшо сердце мое имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи себя Божественнымъ словомъ. Я живу и хочу жить Христіаниномъ; попому чшо долженъ умереть не иначе, какъ пакъ, чшобы жить въ вѣчности.,,

Не менѣ шого произтекаетъ *теплота* въ вѣрѣ изъ *усыпленія души въ привычкахъ жизни и въ мірскихъ заботахъ*. Ибо человекъ, заняшый съ утра до вечера должностными или домашними дѣлами, или мыслію о своихъ спяжаніяхъ и предспоящихъ удовольствіяхъ, или заботами о предошвращеніи бѣдствія, или другими малозначительными скоропреходящими цѣлями, легко забываетъ самага себя, свою высшую природу, свое высшее званіе. Сію заботливость о пропитаніи, сію временную радость или печаль поставляетъ онъ главнымъ предме-

помъ жизни, а вѣру—сію жизнь, сіе дыханіе души своей—считаешь поспороннимъ дѣломъ. Онъ думаетъ о ней только въ свободные часы; онъ не любитъ ее, не живетъ въ ней. Онъ непримѣнно спановится *теплымъ*; вмѣсто добродѣтели онъ научается только мірскому благоразумію, вмѣсто благочестія только благоприспособности. Онъ считаетъ себя Христіаниномъ, но не совершаетъ великихъ дѣлъ Христіанства.

Вѣра есть жизнь, есть дыханіе души, говоримъ мы. Дѣйствительно, человекъ безъ святаго чувства Иисусова, безъ божественной любви Иисусовой, безъ благочестиваго во всякое время стремленія къ нравственному усовершенствованію своему, человекъ безъ непрерывнаго приближенія къ Богу, пребываетъ, какъ говоритъ Писаніе, *во тмѣ и тѣни смертной*. Лук. 1, 79. Онъ не имеетъ жизни; одно только плѣо его живетъ. Онъ заботится только о плѣ; онъ благоразуменъ только въ гражданскихъ и домашнихъ отношеніяхъ. Ежели въ семь только состоишь все, что мы должны дѣлать, и чѣмъ быть должны на землѣ; то жизнь

сія не споишь того, чшобы имѣть ее.— Такою ли теплошою должны мы опвѣшсшвовашь любви Іисуса, кошорый, будучи праведень и свяшъ, принесъ себя въ жертву для спасенія человѣковъ? Такою ли теплошою должны мы плашшь за неизреченную любовь Бога, Опца всѣхъ сущесшвъ, кошорый предназначилъ намъ высочайшее блаженсшво? Ежели ешъ Богъ на небѣ, ежели ешъ Судія сердце надъ звѣздами, ежели за послѣдними вздохами смерти обишашь вѣчностъ; шо какъ можешъ сердце человѣка охладѣвашь въ любви къ Творцу? Какъ можешъ оно быть равнодушнымъ къ божесшвеннымъ должностямъ, въ кошорыхъ дашь нѣкогда опвѣшъ Судии? Какъ можешъ оно посшупашь съ вѣчностію, какъ съ пустымъ сновидѣніемъ, а съ кратковременнымъ сновидѣніемъ бышя своего на землѣ, какъ съ безпредѣльною вѣчностію? Пробудись, пробудись, усыпленный человѣкъ; воспламенись священными чувсшвованіями къ Богу и къ швоему назначенію, къ кошорому призываетъ тебя Іисусъ, швой Спаситель! Ободришь въ швоей дѣяшельности, и преспашь оскверняшъ свяшынню швоею *теплотою*!

Слово Божіе взываетъ къ тебѣ: *Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горятъ.* Сіе не естественное состояніе, сіе колебаніе между любовію и равнодушіемъ, между силою и смертію, пагубно для тебя, пагубно для тысячи другихъ. Посему Божественное слово говоритъ тебѣ: *О естлибѣ ты былъ холоденъ или горятъ!* Ибо естлибѣ ты былъ холоденъ къ вѣрѣ, естлибѣ ты былъ явный презирашій ея: по тебя знали бы; умѣли бы избѣгать тебя; предостерегали бы отъ тебя юношество, и всѣхъ, кого предостерегать должно; каждый здравомыслящій внутренно сожалѣлъ бы о тебѣ, какъ о безумномъ; и ты примѣромъ своимъ не вредилъ бы другимъ, а только самому себѣ.

Дѣйствительно, примѣръ *теплаго* Христіанина часто гораздо опаснѣе бываетъ, нежели примѣръ явнаго презирающаго Христіанства. Ибо видимое поведеніе теплаго Христіанина не соблазнительно; и посему къ нему приближаются безъ опасенія. Онъ, можетъ быть, заслуживаетъ уваженіе въ гражданской жизни; а посему не спрашивая подражать ему. Хотя онъ не ищетъ вер-

ховнаго блага, хопя не имѣеть величія души, пребуемаго вѣроу, хопя не обладаеть высокою мудросцію и живошворнымъ познаніемъ достоинства цѣли бышія своего; но онъ можееть знаеть способъ приобрѣтенія земныхъ сокровищъ, можееть доспигаеть высокихъ чиновъ въ гражданской жизни, можееть прославилься рѣдкими дарованіями ума и обширными мірскими знаніями. Такимъ образомъ, будучи ничто предъ Богомъ, онъ можееть имѣеть все, чптобы блисшались предъ очами міра. И увь! легко соблазняемыя просныя души смощрають на него, ослѣпляются его поспупками, и будучи, подобно ему, *теплы* въ вѣрѣ, ревностно спараются шолько о шомъ, чпто ведееть къ земному благосостоянію.

Такимъ—шю образомъ примѣръ нашей *теплоты* въ вѣрѣ невольню развращаееть сердца другихъ; шакимъ—шю образомъ мы бываемъ виною ихъ несовершенства. Мы подкрѣпляемъ невѣдущихъ, легкомысленныхъ и склонныхъ къ соблазну людей въ шомъ ложномъ мнѣніи, чпто вѣра ешь шолько пошпороннее дѣло; чпто, для исполненія долж-

ностей къ Богу, довольно наружныхъ обрядовъ, хожденія въ церковь, милоспѣныи, за-
тверженныхъ наизусть ежедневныхъ молиствъ,
соблюденія церковныхъ праздниковъ; что для
исполненія должностей къ ближнему, доволь-
но не дѣлать никому явной обиды, только
видимо повиноваться власти и ея законамъ.

Но не станемъ заблуждаться. *Теплый*
Христіанинъ не есть Христіанинъ. Онъ не
знаетъ самаго себя, онъ не примѣчаетъ
того, что въ немъ есть вѣчнаго. Онъ не
поспѣгаетъ важной истины сихъ небесныхъ
словъ: *Ищите во первыхъ царствія Божія.*
Мат. 6, 33. А сіе царствіе Божіе есть
царствіе духовъ совершенныхъ, душъ воз-
вышенныхъ; есть царствіе высшихъ силъ;
есть царствіе высшихъ назначеній, къ ко-
торымъ долженъ раскрыться духъ нашъ.

И ты, душа моя, избрана для сего вѣч-
наго царствія. О! для чего же ты такъ
часто желаешь погружаться въ оную лѣ-
ность и бездѣйственность, которая око-
выкаетъ тебя на пути къ усовершенію?
Для чего ты перяешь бодрость и ревность,

содѣлаться существомъ болѣе добродѣтельнымъ, болѣе достойнымъ любви Божіей, болѣе приближеннымъ къ Богу?—Воспрями, сила моя; укрѣпись, воля моя; возгори, сердце мое, любовію къ самому себѣ, къ своему званію, къ своему небесному Опцу, призывающему меня. Возгори мою любовію, которая воодушевитъ меня совершать добрыя и великія дѣла, какія совершалъ бы Іисусъ, какія совершалъ бы каждый изъ учениковъ Его на своемъ мѣстѣ: Возгори мою любовію, которой исполненъ былъ Христосъ ко всему человѣчеству, и съ которою Онъ все принесъ въ жертву, всего лишился, все претерпѣлъ, дабы излить блаженство на родъ смертныхъ.

Удались отъ меня, ложный стыдъ; удались, бѣдственные, безумные предразсудки. Величайшимъ богатствомъ моимъ да будетъ величіе души, каковое оказывалъ Іисусъ; оно только есть постоянно, оно только простирается далѣе подверженнаго плѣнію міра. Величайшею славою моею да будетъ слава, быть Христіаниномъ. Пусть слѣпый міръ смѣется; я хочу быть Христіаниномъ. Пусть

называетъ меня лицомъромъ, я не спану оп-
рекаюсь Иисуса; я хочу шоржеспвенно покла-
няюсь Ему, какъ божеспвенному Учишелю и
Избавишелю міра. Пусть міръ называетъ меня
неразумнымъ; но я хочу посшупать велико-
душно, справедливо, честно, миролюбно, вѣр-
но, хопя бы шо обращалось и во вредъ мнѣ.
Я хопу,—и одно шолько хопѣніе принадле-
житъ человѣку, исполненіе хопѣнія зави-
ситъ опъ Бога. *Я хопу*,—и да будетъ хопѣніе
мое чисто и непорочно, да будетъ оно свидѣ-
телемъ пламенной любви моей къ Тебѣ, Бо-
же, Источникъ моей жизни, Источникъ вѣч-
наго моего блаженства!
